

УСТАВ СОЮЗА БЛАГОДЕНСТВИЯ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАНОН

ВАДИМ ПАРСАМОВ

В начале XX в., когда в печати стали появляться стихотворения членов тайных обществ, осужденных Верховным уголовным судом по делу 14 декабря 1825 г., сложился научный миф о декабристской литературе. Одним из его творцов стал Н. А. Котляревский, опубликовавший на страницах «Русского богатства» серию очерков под названием «Литературная деятельность декабристов» [Котляревский 1901a; Котляревский 1901b; Котляревский 1908]. Чуть позже была сформирована основная парадигма писателей-декабристов: К. Ф. Рылеев, А. А. Бестужев, В. Ф. Одоевский, В. К. Кюхельбекер, В. Ф. Раевский, Ф. Н. Глинка, П. А. Катенин. После того, как каждый из них удостоился отдельного тома, а то и двух в серии «Библиотека поэта», они в представлении широкого читателя не только прочно вошли в число первых поэтов пушкинской эпохи, наряду с такими подлинными мастерами слова, как В. А. Жуковский, Д. В. Давыдов, П. А. Вяземский, Е. А. Баратынский, А. А. Дельвиг, но и образовали отдельное «декабристское» направление. Между тем простого непредвзятого взгляда было бы вполне достаточно для того, чтобы понять, что все эти «поэты-декабристы» не только имеют между собой мало общего в плане поэтического языка и стиля, но и тематически подавляющее большинство их текстов никоим образом не связано с движением декабристов. Что же касается эстетического уровня их произведений, то в большинстве своем он, за редким исключением, не поднимается над уровнем массовой романтической литературы.

В середине XX в. Г. А. Гуковский, исследуя поэтический язык русского романтизма, выделил в нем особый гражданский стиль и дал ему следующую характеристику:

Когда мы обращаемся к произведениям гражданской поэзии 1810–1820-х годов <...>, мы не можем не заметить специфического сгущения в них определенной политической терминологии. Народ, отчизна, деспот, порок, добродетель, тиран, свобода, ярем, вольность, гражданин, рабство и т.д. — эти слова составляют как бы лейтмотив гражданской поэзии и в идейном и в непосредственно стилистическом смысле. Однако эти словесные лейтмотивы не выделяются на фоне других словесных групп. Они окружены целыми гнездами слов-символов, менее явственно окрашенных политически, но не менее выразительных идеологически [Гуковский: 176].

Отдельные стихотворения так называемых «поэтов-декабристов», несомненно, укладывались в границы описанного Гуковским стилистического пространства. Но далеко не только они, и даже не они преимущественно, были наиболее яркими носителями этого стиля. Гражданская поэзия возникает гораздо раньше появления декабризма и продолжает существовать после разгрома движения.

В дальнейшем речь пойдет о литературном каноне, который члены тайного общества пытались навязать современному им литературному процессу. Основным источником для постановки данной проблемы является Устав Союза Благоденствия (далее — СБ), единственный дошедший до нас устав декабристских обществ. Рассмотрим его не как собственно текст декабристской литературы, а как метатекст, включающий в себя описание интересующего нас литературного канона.

В уставе СБ сказано, что это общество «в святую себе вменяет обязанность распространение между соотечественниками истинных правил нравственности и просвещения» [Пыпин: 549]. Роль слова, как устного, так и письменного, в этом деле становилась приоритетной. В частности говорилось, что «каждый член <...> должен стараться во всех речах своих превозносить добродетель, унижать порок и показывать презрение к слабости» [Там же: 567]. При этом в Уставе СБ подчеркивалось, что следует «стараться речами своими приносить существенную пользу, а не блистать оными» [Там же: 568], но оговаривалось, что «члены <СБ>, занимающиеся словесностью,

должны на произведения свои налагать печать изящного, не теряя из виду, что истинно изящное есть все то, что возбуждает в нас высокие и к добру увлекающие чувства» [Пыпин: 571].

К тому же член тайного общества связан конспирацией, и в этом смысле его лишнее появление перед публикой не совсем желательно. Поэтому необходим посредник — человек, формально не состоящий в обществе, но при этом просвещенный, т.е. либерально мыслящий и к тому же литературно одаренный. Иными словами нужен талантливый писатель-беллетрист, готовый отдать свое перо на служение идеалам тайного общества. Таким образом, выстраивается цепочка: член тайного общества воздействует на писателя, а писатель уже, написавшись от него нужными идеями, воздействует на широкую аудиторию.

Такая структура позволяла совмещать конспирацию и пропаганду. В центре — ядро заговорщиков, связанных общей целью и знанием путей достижения этой цели. Об этом знать и говорить могут только лица, непосредственно задействованные в его подготовке. Однако для того, чтобы военный переворот удался, чтобы заговорщики могли не только захватить, но и удержать власть в своих руках, необходимо подготовить общество путем внушения ему того, ради чего переворот затевается, иными словами морально подготовить его к конституционному правлению. Этим и должны заниматься как сами члены тайного общества, так и лица, находящиеся в орбите их воздействия — все те, кто наделен даром художественного слова и разделяет либеральные идеи. Таким образом, писатель, не будучи посвящен в тайну военного заговора, посвящен в то, во имя чего этот заговор будет совершен. И, наконец, замыкает эту цепочку читатель, ничего не знающий ни о заговоре, ни о его конечной цели.

Каким же образом эта структура работала? Если говорить о СБ, а именно с него начинается широкая пропаганда освободительных идей в России, то вопрос о сокровенной цели, т.е. военной революции остается открытым. Из доноса М. К. Грибовского известно, что Устав СБ, или, как его еще называют «Зеленая книга», включал в себя две части: «Краткая первая

часть давалась для прочтения принимаемым по взятии от них подписки не открывать ничего; вторая часть сообщалась посвященным уже в тайны» [Грибовский: 110]. Первая часть хорошо известна (это то, что, собственно говоря, и называется Уставом СБ). Что же касается второй, то она до сих пор не обнаружена. Кстати, некоторые декабристы выражали сомнение в ее существовании. В частности П. И. Пестель на следствии вполне определенно заявил: «Вторая часть Зеленой книги не была составлена. Я, по крайней мере, оной не видал и ни от кого про ее составление не слышал, а тем еще менее была она раздаваема» [Восстание: 139].

При всей противоречивости показаний Грибовского и Пестеля, думается, что оба они в данном случае вполне искренни. Грибовский верно передает саму структуру тайного общества, включающего в себя некую сокровенную цель и стремление воздействовать на социум путем широкой пропаганды. На этапе существования СБ вторая цель была признана приоритетной, а первая (военный переворот) отодвинута на неопределенный срок, и поэтому не столь уж существенно, успели ли декабристы занести ее на бумагу или нет. Главным на том этапе для них было налаживание контактов не с военной, а с писательской средой.

Особое внимание при этом уделялось так называемой потаенной литературе, то есть литературе, свободной от цензурных ограничений. Как писал Н. И. Тургенев,

в странах, где царит деспотизм, общественное мнение находит свое выражение <...> в рукописной литературе, подобной тем листкам с сатирическими стихами (ноэзиями) и песенками, которые ходили во Франции накануне 1789 года. Литература сия, которую, на наш взгляд, вполне можно назвать контрабандной, показывала направление развития умонастроений в России. Тогда появилось довольно много сочинений такого рода, замечательных как по силе язвительности, так и по высоте поэтического вдохновения [Тургенев: 48].

Надо заметить, что «контрабандная» литература, о которой пишет Тургенев, далеко не всегда была антиправительственной, более того, нередко она была рассчитана именно на высочай-

шее внимание. СБ стал широко использовать такую практику прямого литературного обращения к царю или членам его семьи. Так, в 1818 г. член СБ А. Н. Муравьев через П. М. Волконского представил Александру I записку по крестьянскому вопросу. История ее появления вкратце такова. В начале 1818 г. военный губернатор Малороссии Н. Г. Репнин, выступая при открытии дворянских собраний в Полтаве (3 января) и в Чернигове (20 января), произнес речь, в которой, не требуя отмены крепостного права как такового, выступил за законодательное ограничение прав помещика на личность крестьянина. Репнин находился в плотном «декабристском» окружении. Его родным братом был декабрист С. Г. Волконский, правителем канцелярии у него служил декабрист М. Н. Новиков, а адъютантом у него был декабрист М. И. Муравьев-Апостол (см. об этом: [Лотман: 331–332]).

В мае 1818 г. речь Репнина была опубликована в «Духе журналов». В это же время в «Сыне Отечестве» появился ряд статей А. П. Куницына, также касающихся крестьянского вопроса [Куницын 1818a; Куницын 1818b; Куницын 1818c]. Вполне вероятно, что эти статьи были инспирированы Н. И. Тургеневым (см. об этом: [Дейч/Фридлендер: 391]). И хотя все эти публикации были вполне в духе идей самого Александра I, выступившего в марте в Варшаве с конституционной речью, тем не менее правительство увидело в них нежелательную активизацию общественного мнения. Поэтому 14 мая 1818 г. последовало распоряжение министра просвещения А. Н. Голицына, запрещавшее цензуре пропускать в печать статьи «ни в защищение, ни в опровержение вольности или рабства крестьян, не только здешних, но и иностранных» [Семевский: 405].

Запрет на публикацию отнюдь не стал препятствием для продолжения общественного обсуждения крестьянского вопроса в нелегальной литературе. На речь Репнина отвечал калужский предводитель дворянства князь Н. Г. Вяземский. Выступая против любых ограничений власти помещика над крестьянами и призывая «бодрствовать в поддержании ныне существующего порядка вещей» [Вяземский: 159], Вяземский тем не менее соглашался пойти на некоторые уступки прави-

тельству в решении крестьянского вопроса в обмен на созыв в одной из столиц дворянских депутатов, которые поведают царю «не токмо собственные *нужды свои*, но и о всем том, что требует истинная польза и внутреннее благоустройство царства нашего» [Вяземский: 163]. Иными словами речь шла о дворянской конституции. Эта уловка была хорошо знакома декабристам. Правительство дарует конституцию дворянству, после чего дворяне, пользуясь своими «конституционными правами», оставляют в неприкосновенности крепостное право. На это и возражал А. Н. Муравьев в своей ответной записке:

Вы, восстающие против вольности, сами же упоминаете о собрании в одной из столиц представителей дворянства? По какому праву пользоваться Вам сим преимуществом, когда сами не хотите отказаться от собственного самовластия Вашего, и почему не должны в сем собрании участвовать и все прочие сословия? Непостижимо, как можно с таким восхищением говорить о собрании представителей и в то же время оскорблять *вольность* и противиться сообщению мыслей! [Муравьев: 133]

Записка Муравьева, представленная Александру I, не получила ожидаемого монаршего благоволения. По сообщению С. П. Трубецкого, «Его величество, прочтя сказал: “Дурак! не в свое дело вмешался”» [Трубецкой: 223]. Впрочем, в данном случае не следует усматривать идеологическое расхождение царя и декабриста. Причины высочайшего неудовольствия лежали в другой плоскости. Незадолго до подачи этой записки полковник А. Н. Муравьев, назначенный на должность начальника штаба гвардейского отряда в Москве, подвергся несправедливому, как ему показалось, служебному взысканию и отсидел срок на гауптвахте, после чего подал в отставку, но получил отказ [Муравьев: 208]. В этой связи раздраженная реакция царя вполне понятна: полковник и начальник штаба Муравьев должен лучше выполнять свои прямые обязанности, а не заниматься публицистикой.

В целом же в 1818–1819 гг. реакция царя на антикрепостнические выступления была вполне благосклонной. Так, например, известен рассказ М. И. Жихарева о том, как 1819 г. П. Я. Чаадаев через своего шефа И. В. Васильчикова, коман-

дующего Гвардейским корпусом, представил Александру I стихотворение Пушкина «Деревня», в котором даже либеральный А. И. Тургенев усмотрел «преувеличения насчет псковского хамства» (под хамством в тургеневском кругу подразумевали крепостное право) [ОА: 296].

Обращаясь напрямую к правительству, декабристы старались, с одной стороны, убедить власти в существовании общественного мнения в России, а, с другой, стремились в самом обществе подготовить благоприятную почву для реформ сверху. В целях установления контроля над текущим литературным процессом Устав СБ предписывал его членам «с дозволения Союза вступать во все правительством одобренные, о нравственности пекущиеся общества и извещать Союз о всех их действиях, дабы сей последний мог употребить надлежащие меры к соглашению оных с своею целию» [Пыпин: 569].

Фактически практика участия декабристов в литературных объединениях установилась раньше образования СБ, и в данном случае имелось в виду лишь ее расширение. Участие декабристов в литературных обществах «Арзамас», «ВОЛРС», «Зеленая лампа» многократно описано в научной литературе. Однако при этом, как правило, не ставится вопрос о результатах такого участия, насколько оно было эффективным в плане создания собственно декабристской литературы? Известно лишь, что «Арзамас» явно не оправдал надежд, возлагаемых на него Н. И. Тургеневым. Следствием этого стала попытка Тургенева создать свое литературно-журнальное общество. Под новый 1819 г. Н. И. Тургенев записал в дневнике: «Вчера, будучи уже в постеле, мне пришла в голову мысль о составлении нового общества, в котором должны соединяться многие частные мысли и усилия и т.д. до России касающиеся» [АБТ: 181]. Главная цель общества — издание журнала. Уже через три дня Тургенев «написал неправильный проспектус <...> обществу, кот[орое] можно бы назвать обществом 19 года и XIX века, а журнал его Россиянином XIX века» [Там же: 183].

Соучредителем общества стал приятель Тургенева профессор Царскосельского лицея А. П. Куницын. В общество планировалось принять Н. М. Муравьева, Ф. Н. Глинку, М. К. Гри-

бовского, И. Г. Бурцева, П. И. Колошина, А. А. Шаховского, А. С. Пушкина и др. Почти все, за исключением двух последних, — члены СБ. Скорее всего речь шла о создании легального филиала тайного общества с единственной, но принципиально важной целью — издания политического журнала. Задача осложнялась тем, что сам Тургенев не мог встать во главе этого журнала как в силу своей занятости на основной службе в должности начальника отделения канцелярии министерства финансов, так и в силу отсутствия литературного дарования, о чем он сам неоднократно сокрушался: «Я совсем не умею писать ничего, кроме протоколов. Я неясно думаю, а потому и трудно пишу, хотя пишу еще неяснее, чем думаю» [АБТ: 185].

Максимум, на что хватило Тургенева, это на сочинение «неправильного проспектуса» журнала и проведение нескольких собраний журнального общества. Из «проспектуса» можно понять, что, собственно говоря, Тургенев ждал от журнала:

Где Русской может почерпнуть нужные для сего общие правила Гражданственности? Наша словесность ограничивается до ныне почти одною поэзиею. Сочинения в прозе не касаются до предметов политики. Сия отличительная черта Русской Литературы делает ее неудовлетворительною для нашего времени. И нас хотят теперь лишить пищи моральной, более питательной, более соответственной требованиям и обстоятельствам века [Там же: 368].

О чем здесь идет речь? Главная коллизия, переживаемая Тургеневым, заключается в следующем. Те, кто могут писать, пишут не то, что надо, а те, кто знают, что надо писать, писать как следует не умеют. Какой же, по мнению Тургенева, должна быть современная ему литература? В «проспектусе» говорится о том, что

происшествия 1812, 13, 14 и 15 года сблизили нас с Европою; мы, по крайней мере многие из нас, увидели цель жизни народов, цель существования государств; и никакая человеческая сила не может уже обратить нас вспять. Происшествия последних 30 лет имели то важное действие, что они просветили Европу истинным просвещением. Теперь каждый Европеец, внимательно читающий газеты, имеет более политического просвещения, нежели ученейшие люди XVIII-го и предшествующих веков. Здесь опре-

делим значение и сущность истинного просвещения: оно есть знание своих прав и своих обязанностей. После многих заблуждений Европе предоставлено наконец воспользоваться плодами своего долгого бытия [АБТ: 370].

Тургенев имеет в виду не только газеты, но и многочисленные политические брошюры, представляющие собой по сути те же газетные статьи, только в расширенном виде. Эта массовая продукция буквально наводнила Францию, начиная с предреволюционного периода. Затем, замолкнув на годы Консульства и Империи, она вновь возродилась в период первой Реставрации, Ста дней и второй Реставрации. В многочисленных брошюрах с опорой на труды великих просветителей XVIII в., а также в полемике с ними излагались вопросы современной политической жизни Франции и Европы, сталкивались мнения, велась полемика. Эти брошюры, объемом 5–6 авторских листов, выпускаемые тысячным тиражом быстро расходились по всей Европе и проникали в Россию. Для их написания требовалось особое мастерство, соединяющее в себя хорошее знание современной политической ситуации, базовых философских идей, с умением сжато и ясно формулировать мысль и остроумно обезоруживать противников. Имена наиболее популярных авторов этих брошюр Б. Констан, Ж. де Сталь, Шатобриана, Ж.-Д. Ланжюинэ, П.-П. Ройе-Коляра, Детю де Траси и др. многократно встречаются на страницах дневников и писем Тургенева. Их политические памфлеты и комментарии составляли основной круг чтения декабриста. Думается, что примерно в таком же духе Тургеневу виделись перспективы развития русской литературы.

Подобная литература всегда тесно связана с реалиями современной ей политической ситуации, понятна и интересна только в ее контексте. Поэтому нет необходимости доказывать, что в российских условиях, сколь близкими к европейским они ни казались бы Тургеневу, ничего подобного появиться не могло. Перед русской литературой в то время стояли принципиально иные задачи. Гораздо важнее было создание литературного языка, освоение романтической поэтики, обновление устаревшей жанровой системы и т.д. В этой связи

вопросы содержания сами собой отодвигались на второй план, что, конечно же, не могло устроить Тургенева. Политический журнал так и не состоялся, а журнальное общество распалось, так и не выйдя за рамки организационных собраний.

О декабристском каноне в русской литературе можно говорить лишь как о нереализованном проекте. Причины неудачи заключались не в отсутствии соответствующих дарований, а в отсутствии необходимого контекста.

ЛИТЕРАТУРА

- АБТ: Архив братьев Тургеневых. Вып. 5: Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816–1824 гг. Пг., 1921. Т. III.
- Восстание: Восстание декабристов. М.; Л., 1927.
- Вяземский: *Вяземский Н. Г.* Послание российского дворянина к князю Репнину, малороссийскому военному губернатору и генерал-адъютанту // Сб. материалов, извлеченных из архива Е. И. В. Канцелярии. СПб., 1895. Т. 7.
- Дейч/Фридендер: *Дейч Г. М., Фридендер Г. М.* «Деревня» Пушкина и антикрепостническая мысль конца 1810-х годов // Литературное наследство. М., 1956. Т. 60: Декабристы-литераторы II. Кн. 1.
- Грибовский: *Грибовский М. К.* Записка о Союзе Благоденствия, представленная ген. А. Х. Бенкендорфом императору Александру I // Декабристы. Отрывки из источников / Сост. Ю. Г. Оксман. М.; Л., 1926.
- Гуковский: *Гуковский Г. А.* Пушкин и русские романтики. М., 1965.
- Котляревский 1901a: *Котляревский Нестор.* Литературная деятельность декабристов. 1. В. К. Кюхельбекер // Русское богатство. 1901. № 3–4.
- Котляревский 1901b: *Котляревский Нестор.* Литературная деятельность декабристов. 2. А. И. Одоевский // Русское богатство. 1901. № 9.
- Котляревский 1908: *Котляревский Нестор.* Рылеев. СПб., 1908.
- Куницын 1818a: *Куницын А. П.* О состоянии иностранных крестьян // Сын Отечества. 1818. № 17.
- Куницын 1818b: *Куницын А. П.* О конституции // Сын Отечества. 1818.

- Куницын 1818с: *Куницын А. П.* Рассмотрение речи г. президента Академии наук и попечителя СПб., учебного округа, произнесенной <...> 22 марта 1818 г. // *Сын Отечества*. 1818. № 23.
- Лотман: *Лотман Ю. М.* Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов — поэт, публицист и общественный деятель // *Лотман Ю. М.* Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1992. Т. II.
- Муравьев: *Муравьев А. Н.* Сочинения и письма. Иркутск, 1986.
- ОА: Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 1.
- Пыпин: *Пытин А. Н.* Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1908.
- Семевский: *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. СПб., 1888. Т. 1.
- Трубецкой: *Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. Идеологические документы, воспоминания, письма, заметки. Иркутск, 1983.
- Тургенев: *Тургенев Н. И.* Россия и русские. М., 2001.